

ХАМАР-ДАБАН: ДРОВА СУХИЕ, БАНЯ ТЁПЛАЯ ...

Евгений Кашкаров
e.kashkarov@gmail.com

Песенку о хребте Хамар-Дабан, который хрустит под ногами, иркутянам повезло услышать в исполнении автора. Два вечера концертов Визбора в Иркутске в мае 1978 года стали для нас настоящим праздником. Все песни срывали аплодисменты, но больше всех, пожалуй, эта - про Хамар-Дабан... Когда она зазвучала в зале ДК завода им.Куйбышева, мы всей кожей почувствовали: песня - наша... Наш - Хамар-Дабан, наш - Визбор... Петь так задушевно, как Визбор, не мог никто. Простой речетатив, но сколько в нём доброты, сколько тепла... Под голос Визбора даже консервная банка, открытая в песне тесаком, становилась родной... Родным на всю жизнь остался и Визбор...

Я не вырос на Хамар-Дабане, как некоторые из моих друзей, но всё же с десяток раз был там. Встречал Новый год под пиком Черского в снегах и палатке, под Черского был на летней университетской ботанической практике, ходил зимой на Хан-Улу, Соболиные озёра, пик Тальцинский, и - снова на Черского...

Между “первым” и “вторым” Черским пробежало 37 лет... Месяц назад я пришёл на турбазу “Хамар-Дабан” к другу Виктору Николаевичу Мажуолису, с которым в начале 70-х, студентами, мы бегали зимой на Соболя и на Тальцинский... В пятницу ночью вываливались из поезда “Иркутск-Наушки” на байкальской станции Выдрино, выбирались по промороженной дороге на окраину посёлка и вставали на лыжи. Идти ночью даже под луной не было удовольствием, было - приключением. Мы цепляли на шею гирлянду сушек – жевать по дороге, засовывали в пакет под штормовку кусок колбасы (чтоб не замёрзла), и до утра отталкивались от снега палками... На зимовье под Соболями или в палатке под Тальцинским немножко спали, потом варили крепкий чай и бежали дальше. В понедельник нужно было во что бы то ни стало вернуться в Иркутск - доспать на лекциях то, что не доспали на Хамар-Дабане...

На Хамар-Дабане же, в Выдрино, я познакомился с песнями Круппа. Не забуду сильный голос Николая Чернышёва, который ходил тогда с “госами” (группой из госуниверситета – ИГУ) и единственный во всём Иркутске пел Круппа. В ожидании электрички крохотная станция Выдрино, заваленная рюкзаками и лыжами, слушала:

Что я натворил, как я разорил
И себя и песню,
Горы здесь не те, и кавказский снег
Тоже не такой...

Тундра – ну что ей, проживёт – а мне
Надобно хоть тресни,
Чтоб хоть раз в году мне в глаза взглянул
Северный покой...

или

...Но если из-за тысячи причин
Дни станут длинными, как провода,
Ты вспомни, есть советчик у мужчин –
Полярный край, Уральская гряда...

Крупп погиб в Центральном Саяне, откапывая засыпанных лавиной друзей. Снег тогда смёл со склона всю группу, приехавшую в Саяны из Белоруссии. Арик Крупп вышел с лагеря последним - собирая палатку... Его накрыла другая лавина... Вытаскивали белорусов наши спасатели, иркутяне. Я помню эти фотографии в КСС, на Чехова, 23-А. Помню последние слова Круппа, напросившиеся перед выходом в записную книжку:

Саяны – это белые берёзы,
Саяны – это белые снега...

И ещё мне запомнилось крупповское:

В это время самых первых космодромов,
В эти дни последних самых паровозов
Отчего-то застываем в тёплом доме
И уходим отогреться на морозе...

...Мы с Витькой тоже уходили отогреться... На Хамар-Дабан... Там, на Тальцинском, тоже гремели лавины. Такие, что пропахивали путь почти до Снежной... Тысячи тонн снега... Как они нас миновали?

В 70-х Витька осваивал профессию доктора, а заодно профессиональную кличку, прилипшую к нему на всю жизнь. Насколько он был доктором, настолько же бродягой, строителем и просто весёлым человеком. В самой трудной группе Витька мгновенно разрушал психологический дискомфорт, потому что из тысяч специальностей на свете Бог подарил Витьке главную – дар общения с людьми. Я видел с какими светлыми лицами выходили из его докторского кабинета больные... Видел как тянутся к нему дети... собаки... женщины... Тянутся друзья. А теперь и туристы, для которых Доктор построил под пиком Черского на Хамар-Дабане собственную турбазу.

Мне кажется, Витькина турбаза – та же больница, только люди в ней выздоравливают гораздо быстрее. Может быть потому, что главные лекарства здесь – солнце, 30 километров прогулки и никакого стресса... Витька и сам выглядит под Черского в 100 раз здоровее...

По своей 37-летней практике я знаю, что лучшие на Хамар-Дабане зимовья и бани – у Доктора, лучшие собаки, охота, рыбалка – у Доктора, лучшие застолья и песни – опять у него... Хотя наш общий друг по кличке Родственник говорит, “всё, что рассказывает Доктор, надо делить на два...”, застолья от этого не страдают... Ведь чистая правда не всегда так красива и ложится на память. А пересыпанная гротеском и лёгкими междометиями, она уходит в легенду... Именно такими я слышу сейчас от Дока рассказы о нашей конной экспедиции по Тянь-Шаню – по хребту Кокшаал на границе с Китаем; о соревнованиях по туризму на 8 Марта 1975 года в Утулике, когда я (?) нечаянно (?) выпил пущенную по кругу в литровой кружке единственную бутылку водки (!) и оставил девчонок без праздника... - сказал только: “Ну и дозы...”; о рыбалке на Байкале, когда Док...

Словом, именно за этим – незабываемыми рассказами о жизни и о себе, и за совсем другими лекарствами – собирайте рюкзак, и – к Доктору... На турбазу под Черского. Очередь туда в пасмурные, дождливые и снежные дни на два километра длиннее, чем в больницу в дни повышенной солнечной активности. Про Новый год даже не говорю...

Хамар-Дабан – июнь, 2010. ЖАРКО-О-О-О...

Кто не любит рюкзак, на турбазу под Черского можно подняться и налегке. Но – с тёплой запасной одеждой на случай дождя и снега, и с непромокаемой накидкой. Гирлянда сушек и кусок колбасы на шее тоже не помешают. Горы ленивых не любят... Вообще же на турбазе есть всё. От спальника и палатки до сухих дров и оладушек к чаю... Оладушки предложат и по дороге... И пива... Но этим не увлекайтесь. Это на других турбазах. Они гораздо ближе к Слюдянке, чем к пику Черского, и долларов на 500 дороже...

Когда подниметесь на турбазу, не забудьте попросить Виктора Николаевича поставить Визбора. Песенку про Хамар-Дабан... Если наверху не гоняют движок и нет электричества, он и сам споёт. И Визбора, и Круппа... Вообще база предлагает много услуг. И многое решается благодаря жене Доктора – Ямочке (так Витька прозвал свою жену за ямочки на щеках). Она у него умница, и вообще – лучшая в мире, как всё, к чему прикасаются глаз и рука Доктора. Без неё Витька не был бы Витькой и Доктором... Да и на турбазу бы никто не пришёл, потому что без Ямочки она не была бы построена. Настоящее имя не говорю – как обещал в “Колонке редактора”. А фото – вот, пожалуйста, с ямочками...

* * *

Ходу наверх от Слюдянки – часов 6-8... Не торопясь. Через речку - отличные мосты. Не хуже, чем в национальных парках на Западе. Все справки о дороге, погоде и условиях проживания можно получить по электронке khamardaban@gmail.com и по телефону 8 902 171 8197. Или - в офисе турбазы “Хамар-Дабан” в Иркутске: **ул.Партизанская, дом 136, офис 410.**

* * *

Думаете для чего я так стараюсь? Правильно... Доктор обещал журналу треть прибыли от туристов, которые придут на базу после статьи. Но вообще не обольщаюсь. Помню мудрые слова Родственника: “Всё, что говорит Доктор, нужно делить на два...” А хотелось бы умножить. Может же Доктор единственный раз в жизни сделать исключение?.. Иначе зачем жить у озера Сердца?

Фото в статье: автора, Е.М.Валиевой, И.И.Мажуолене и Т.Л.Селивёрстовой.